

Безумие дома Айресов

ЛИЗА БИРГЕР

О РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «МАЛЕНЬКИЙ НЕЗНАКОМЕЦ»

И ХОТЯ ИСХОД СХВАТКИ АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ С ИСТОРИЕЙ ОЧЕВИДЕН, УОТЕРС УДАЕТСЯ ПОСТРОИТЬ СВОЙ РОМАН ТАК, ЧТО НАПРЯЖЕНИЕ НЕ ОСЛАБЕВАЕТ НИ НА СЕКУНДУ

Славу англичанке Саре Уотерс принесли викторианские лесбийские романы — очень хорошая литература со смакованием исторических реалий эпохи и умеренными дозами сюжетных виражей. Но «Маленького незнакомца» («Little Stranger», 2009), как и

вышедший перед ним «Ночной дозор», уже никак не получается упихнуть в категорию прозы секс-меньшинств. Основная тема Уотерс, как оказывается, не меньшинства, а вообще аутсайдеры. В первых романах ими были лесбиянки в конце XIX века. В «Ночном дозоре», действие которого разворачивается во время Второй мировой войны, героями стали влюбленные: война принесла им недолгую свободу, а мир вернул в обычное состояние тоски и разочарования. В «Маленьком незнакомце» изображена послевоенная Британия и ее аристократия, выброшенная на историческую обочину. Семейство Айрес, хозяева некогда парадного поместья Хандредс-Холла, еле сводит концы с концами, своими руками латая стремительно разваливающийся дом и поминая бывшее величие. Сельский доктор Фарадей наблюдает этот грустный сюжет и невольно участвует в том, как поместьем как будто завладевает злой призрак, «некий мрачный зародыш, ненасытное призрачное существо, „маленький незнакомец“, выпестованный растревоженным под-сознанием кого-то из тех, кто был связан с Хандредс-Холлом».

В 2009 году «Маленький незнакомец» стал книгой года по версии Times и самой успешной книгой шорт-листа британского «Букера» — продававшейся в два раза лучше, чем ее ближайший конкурент. Изящно выстроенный роман, очень аккуратно обращающийся и с языком, и с реалиями эпохи, в переводе превратился в тень самого себя (сказывается, конечно, разница между советскими и британскими послевоенными годами, но и это не извиняет переводчика употребление слова «сей»). Но даже эта тень дает возможность почувствовать мастерство Уотерс. Ее роман с привидениями, конечно, отдает дань литературной традиции, и прежде всего Генри Джеймсу: местному полтергейсту точно так же, как в «Повороте винта», можно найти рациональное объяснение, что и пытается сделать доктор Фарадей. Но доктора никак не назвать беспристрастным рассказчиком: он очарован домом, лучшие времена которого ему удалось увидеть еще ребенком, настолько, что влюбляется и в его обитателей, осознавая при этом, что он им «не ровня», превращаясь в надоедливую прилипалу, в провинциального выскочку, стремящегося прыгнуть из грязи в князи. Так что, возможно, маленький чужак, о котором говорит название, вовсе не призрак, а сам доктор, невидимый за своим саквояжем. «Я — ноль. Чаще всего меня даже не замечают». Или, возможно, юная служанка Бетти. Ведь дом начинает шалить именно с их появлением. Они — как безжалостно наступающая история, в которой нет уже места красивым сказкам про аристократию. Сами Айресы уж точно не привлека-

тельны: безумная мать, некрасивая дочь, инвалид сын — они, как замечает доктор во внезапном прозрении, сами не понимают, как нелепо выглядят в своих старых нарядах и попытках сохранить заносчивость. В них нет ничего от очарования брайдсхедовских Флайтов: если те предвидят умирание, то эти уже мертвы, законсервированы в свадебных нарядах, как диккенсовская мисс Хэвишем. И хотя исход их схватки с историей очевиден, Уотерс удаётся построить свой роман так, что напряжение не ослабевает ни на секунду. Но строится оно не на шутках духа поместья вроде проступающих сквозь стены надписей, внезапных пожаров, самопроизвольно запирающихся дверей, безумия одних наследников и смерти других, а на постоянном обещании читателю рационального объяснения этих шуток. На ожидании, что вот-вот фокусы прекратятся, фокусник раскроет все секреты, и можно будет читать книгу просто как реквием британской аристократии. Этого, конечно, не случается, но злой полтергейст становится метафорой истории, потустороннее «нечто», высасывающее из семьи жизненные соки, — метафорой лейбористского правительства. И хотя в романе нет ностальгии по старым временам, он сам во всем его изяществе вызывает ностальгию по старой доброй литературе.

Перевод с английского Александра Сафронова.
М.: Эксмо; Домино, 2011

Кто из литературных героев вам особенно импонирует?

Артём АБРАМОВ,
управляющий партнер
юридической компании
Vinder Law Office:

— Мне нравится образ Эраста Фандорина. Привлекают его честность, открытость, уверенность в себе — и все это в сочетании с глубочайшим интеллектом. Герой Бориса Акунина всегда борется за справедливость и отстаивает истину, причем не на словах, а на деле. Сумму всех этих качеств редко удается встретить в жизни, особенно в среде чиновников. В книгах про Эраста Фандорина показаны последние годы уже угасающей эпохи, когда совершенно нормальным было совершать рыцарские поступки.

Светлана ХАЙРУЛЛИНА,
генеральный директор ЗАО «УЦСК „Сантехкомплект — Урал“»:

— Мой любимый литературный герой — образ собирательный. Это Человек во всех его проявлениях — слабости и силе. Таким Человеком может быть практикующий врач («Казус Кукоцкого»), обнаруживший у себя редкий дар внутреннего видения человеческого тела. Очень интересно узнать будет ли у этого одаренного человека обыкновенное семейное счастье? Такими Людьми были диссиденты в книгах Улицкой и арестанты, чьи судьбы ломались, но не сломалась воля (Солженицын, «Архипелаг Гулаг»).

Георгий ПЕРСКИЙ,
Член фракции КПРФ
в Свердловской областной думе:

— Из женщин больше всего мне нравится Леди Винтер, она же Миледи из романа Александра Дюма-отца «Три Мушкетера». Деловая, хваткая, в ней есть что-то притягательное. Что касается мужчин, то был такой настоящий коммунист — летчик Мересьев, — персонаж «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. В годы Великой Отечественной войны он был сбит, ранен, потерял обе ноги, но после лечения не только встал на протезы, научился танцевать, но даже вернулся в ряды летчиков. Прототипом героя стал реальный исторический персонаж летчик Алексей Маресьев.

Алла ТИШОВА,
руководитель Уральского
филиала корпорации
«ЗМ Россия»:

— В юности мне очень хотелось как Вера Павловна (из «Что делать?» Чернышевского) стряпать булочки и пить какао во время бранча, как сказали бы сегодня. Сегодня уважаю авторов больше, чем персонажей — это Лууле Виилма, Майкл Поланий, Анна Гавальда, Анатолий Тосс, Бернхард Шлинка.